

Татьяна
Корсакова



Не буди ведьму

Татьяна Корсакова
Не буди ведьму
Серия «Не буди ведьму», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6714838
Корсакова Т. Не буди ведьму : роман : Москва; Эксмо; 2014
ISBN 978-5-699-70710-2

Аннотация

За ней охотились, загоняя, точно глупую дичь. Убийца уже дышал в спину, а от смерти отделяла лишь тонкая грань. И тогда Арина стала ведьмой. Она приняла колдовской дар только для того, чтобы выжить. Вот только никто не предупредил, насколько ей будет нелегко. Но переигрывать уже поздно – магические силы проснулись...

Содержание

Серый Волк	15
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Корсакова

Не буди ведьму

Моим родителям с любовью и благодарностью

© Корсакова Т., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Уже третьи сутки город тонул в тумане. До обеда – серая мгла, после – мелкий холодный дождь. И еще неизвестно, что противнее – первое или второе. Арина выглянула в окно, поежилась. Она любила лето, но в этом году лето, похоже, не задалось. Во всяком случае, последнее время Арине начало казаться, что оно ушло безвозвратно, а цветущий в палисаднике куст жасмина – это так... отголосок и артефакт. Нет никакого лета, вместо него есть туман – густой, непроглядный, бередящий и без того беспокойную душу.

За спиной вдруг заскрежетало и защелкало, Арина испуганно вздрогнула и чертыхнулась. Часы с кукушкой, висящие в красном углу, как икона, по-стариковски хрипло и дребезжаще «прокуковали» семь раз. Значит, там, за покрытым мельчайшими капельками тумана стеклом, наступило полноценное утро.

Часы достались Арине в нагрузку к старому дому на окраине Дымного Лога, провинциального городка, который и городом-то можно было назвать лишь с очень большой натяжкой. Дымный Лог состоял из притулившихся на взгорках и притаившихся в оврагах домишек. Благопристойные яблоневые и вишневые сады здесь мирно соседствовали с одичавшими, кое-где сливающимися в сплошные джунгли кустами сирени и жасмина. На холмах садов было больше. Они окружали крепкие и еще вполне презентабельные домики из красного кирпича, а кусты сирени затеняли и без того мрачные ложины, пряча от посторонних взглядов ветхие деревянные избышки с мутными окнами, покосившимися заборами и палисадниками.

Как-то так повелось, что Дымный Лог сами жители поделили на Верхний и Нижний. В Верхнем сосредоточилась вся политическая и культурная жизнь городка: мэрия, универмаг, кинотеатр, финансово-экономический колледж, одна из двух школ, салон красоты. Там, посреди мощенной красным камнем площади, вздымался на задние лапы бронзовый медведь, символ Дымного Лога. Почему именно медведь, Арина так и не поняла. Соседка баба Глаша, которой, по неподтвержденным данным, в следующем году должно было исполниться девяносто лет и которая считала себя хранительницей культурного наследия города, слыхом не слыхивала о том, что в округе хоть когда-то, хоть в стародавние времена, водились медведи. Зато слыхивала про промышленника Медведева, владевшего в дореволюционное время всем имевшимся в округе производством. Но какое отношение к этому факту имела статуя бронзового медведя, даже баба Глаша объяснить не бралась.

Там же, на площади, между мэрией и банком, словно прячась от посторонних глаз под сенью старых лип, притаился двухэтажный особняк с колоннами, по сведениям, полученным из того же компетентного источника, некогда принадлежавший все тому же промышленнику Медведеву. С тех времен утекло много воды, в особняке поочередно организовывали то клуб, то почту, то городской архив. Пережив не одно поколение, ветшая из года в год, старый дом умирал и умер бы окончательно, если бы в один прекрасный момент на него не обратила свой пристальный взор Евгения Станиславовна Кравцова, жена городского головы и первая леди города. Одного лишь заинтересованного взгляда хватило, чтобы у медведевского особнячка появились вторая жизнь и новая хозяйка.

Реставрационные работы шли около полугода, а потом горожанам был явлен «Салон». Так скромно и без затей Евгения Станиславовна окрестила свое детище, которое оказа-

лось отнюдь не косметическим, как думалось многим, а литературным салоном. Вот такие чудеса! Вот такая блажь первой леди города! А все потому, что Евгения Станиславовна получила образование самое что ни на есть интеллигентное – филологическое, а душу имела тонкую и трепетную, тянущуюся к прекрасному и готовую щедро делиться прекрасным с окружающими. А еще первая леди города была самой настоящей писательницей. Одно из крупнейших столичных издательств выпустило три ее книги и собиралось напечатать четвертую. Рекламой будущей новинки был заполнен весь Дымный Лог. Книга и высокохудожественный портрет писательницы красовались на единственном на весь город билборде, их же каждые три часа показывали по недавно открытому кабельному каналу. В рекламе роман скромно именовался бестселлером, а его автор – звездой отечественного детектива. Злые языки шептались, что издание книг, всех трех, проплачено из городской казны мэром Кравцовым и что детективы за первую леди пишет команда студентов литературного института, но даже злопыхатели признавали их читабельными и «вполне себе нормальными для бабской писанины».

Впрочем, что бы там ни говорили о литературном таланте Евгении Станиславовны, а коммерческий дар за ней признавал почти каждый. Ее «Салон» лишь первые пару месяцев считался блажью бесящейся с жиру дамочки, но время показало, что даже такая бесперспективная в коммерческом плане вещь, как культура, может приносить дивиденды.

На первом этаже «Салона» Евгения Станиславовна устроила литературное кафе, в котором не чуждые прекрасному горожане могли совместить приятное с полезным: за чашечкой кофе полистать томик Блока, освежить в памяти «Мастера и Маргариту» или, при недостаточно развитом вкусе, ограничиться чем-нибудь из мейнстрима. Книги в творческом, тщательно продуманном беспорядке лежали прямо на открытых полках, а особо ценные экземпляры хранились за стеклом в антикварном дубовом шкафу, доступ к которому имели лишь постоянные посетители. Господам же, которые собственное время ценили выше всего, предлагалась стойка со свежей прессой. Пресса в литкафе и в самом деле была наисвежайшей, ее каждое утро доставляли из областного центра сначала в «Салон», а уж только потом – в газетные киоски и на почту. А для самых молодых и нетерпеливых имелось несколько компьютерных столиков со скоростным вай-фаем. Почему-то только здесь Интернет был быстрый и бесперебойный. Наверное, поэтому компьютерные столики почти никогда не пустовали.

Кухня в литкафе тоже была отличная. Не сказать, что слишком бюджетная, но вполне доступная и банковским клеркам, и сотрудникам мэрии, и кое-кому из студентов финансово-экономического колледжа. В летнее же время основными посетителями кафе становились отдыхающие из Веснянки, ближайшего к Дымному Логу дачного поселка. Веснянка своими размерами уже не уступала городу, а презентабельностью и размахом превосходила в разы. Здесь, на живописном речном берегу, уже лет десять как обосновались залетные господа из области. Некоторые из них жили в поселке почти круглогодично и регулярно вносили свою скромную лепту в развитие Дымного Лога в общем и «Салона» в частности.

Помимо кафе, на первом этаже особняка с колоннами располагалась галерея, в которой регулярно что-то выставлялось: то работы городских художников, то экзотические цветы скучающих дачниц, то частные коллекции их вечно занятых мужей, то предметы народного промысла, добытые у бабушек из Нижнего Лога. Однажды из области привозили экспозицию старинных икон, и две недели в галерее дежурил самый настоящий охранник с пистолетом, наручниками и рацией. Но чаще всего здесь случались литературные чтения для узкого круга избранных с шампанским и бутербродами с красной икрой, с интеллигентными спорами о судьбах отечественной литературы и с декламацией собственных произведений. Считалось, что Евгения Станиславовна имеет неограниченное влияние на супруга, поэтому попасть в литературный клуб стремились многие, начиная с городских чиновников и закан-

чивая бизнесменами мелкой и средней руки. Евгения Станиславовна и тут не растерялась: неофитов принимали в клуб не только по рекомендациям, но и после внесения в клубную казну весьма приличных по местным меркам членских взносов. Библиофилы не скупились, и «Салон» процветал едва ли не с первого дня своего существования.

Весь второй этаж занимал рабочий офис хозяйки. Здесь же, в огромном, декорированном в сдержанной английской манере кабинете, за внушительным столом красного дерева, она творила. Каждый будний день с десяти утра до трех дня. Ровно в три ей подавали кофе со сливками и фирменными шоколадными круассанами, и рабочий день звезды российского детектива на этом обычно заканчивался.

Все эти тонкости бизнеса и быта первой леди Арина знала, как никто другой, потому что вот уже почти год являлась управляющей «Салоном». Ее рабочее время, в отличие от Евгении Станиславовны, начиналось в половине восьмого утра и заканчивалось в пять вечера, а в особые дни открытия выставок и презентаций – так и вовсе ближе к полуночи. Арина не роптала, сверхурочные оплачивались по двойному тарифу, на премии и надбавки хозяйка не скупилась, и в итоге выходила весьма приличная по городским меркам зарплата. Зарплаты этой хватило на то, чтобы купить подержанный скутер, на котором девушка частенько ездила на работу, и, наверное, хватило бы на то, чтобы снять приличное жилье в Верхнем Логе, возможно, даже в новенькой кирпичной пятиэтажке, но с переездом Арина все медлила. В тишине и обособленности Нижнего Лога была своя прелесть. Да и соседки ей достались хорошие: хоть древняя, но еще ого какая активная баба Глаша, хоть подружка Ирка. Ради такого соседства можно было перетерпеть и бытовую неустроенность: по-летнему теплые батареи зимой, перебои с электричеством, полудохлый Интернет и ненавистные часы с кукушкой, наследие хозяйки старого, давно предназначенного под снос домика.

Про то, что весь частный сектор в Нижнем Логе вот-вот пойдет под снос, говорили уже последние лет пятнадцать. Старые хибары снесут, а жильцам-долготерпцам дадут квартиры в верхнеложских новостройках. Соседская наивность и вера в светлое будущее Арину иногда умиляли, но чаще злили до зубовного скрежета. Даже ее не слишком богатого жизненного опыта хватало, чтобы понять: в таких городках, как Дымный Лог, перемены не случаются не десятилетиями даже, а столетиями. И ждать, что вот-вот наступит светлое будущее, по меньшей мере глупо.

Думая о перспективах обитателей Нижнего Лога, Арина продолжала с тоской смотреть в затянутое серой пеленой окно. Вот такими туманными и унылыми днями ей особенно сильно хотелось наплевать на покой и уединенность и снять квартиру в новостройке.

За окном промелькнула тень, а потом к мокрому стеклу прижались чьи-то ладони. Арина ойкнула от неожиданности, отшатнулась.

– Ау! Есть кто живой?! – послышался с той стороны замогильный глас. – Это я – туманная чучундра! Пришла по ваши души!

От сердца отлегло, и дыхание из испуганно-сбивчивого сделалось ровным.

– Уже иду! – крикнула Арина, сдергивая со спинки стула свою сумку.

Туманная чучундра, в миру Ирка Лебедева, в нетерпении пританцовывала на крылечке. Под ее ногами сорок первого размера старые доски угрожающе поскрипывали.

– Видишь, гадость какая?! – не здороваясь, сказала Ирка и кивнула куда-то в сторону, где в тумане была едва различима калитка. – Как в Лондоне.

Подруга притопнула ногой и поплотнее запахнула на пышной груди вязаную кофту.

– Пожалуй, у нас покруче будет, – не согласилась Арина, запирая дверь. – Это всегда так? – Через плечо она оглянулась на подружку.

– Туманы? – переспросила та. – Ну, бывает, конечно, но чтобы вот так... от рассвета до заката, не припомню.

Укутанный туманом, словно целлофаном, спрятанный от человеческих глаз, Нижний Лог казался зачарованным царством, передвигаться по которому приходилось едва ли не на ощупь. Оставалось радоваться, что скутер остался дома, а на их улочке нет оживленного автомобильного движения. А то и до беды недалеко при такой-то видимости. Вот и Ирка идет в метре, а слышен только голос:

– У меня сегодня ночное дежурство на «Скорой», так что в магазин для бабы Глаши ты сама сходи. Лады?

Это была их неписаная обязанность – ходить в магазин для бабы Глаши. Вообще-то ей полагалась помощница из собеса, но в собесе с сотрудниками было туго, и вместо помощницы бабе Глаше достались пионеры. Водились в Дымном Логе и такие. Пионеры, не в меру шумные, не в меру энергичные, в горячем желании «осчастливить бабушку» зашли слишком далеко: в огороде вместе с сорняками вылололи всю картошку, хлеба накупили на месяц вперед и уже намеревались «навести в доме чистоту», когда пришедшая наконец в себя баба Глаша прогнала их прочь. С тех самых пор от помощи она отказывалась, с домом и огородом кое-как управлялась сама, а Ирке и Арине, ближайшим соседкам, доверяла лишь поход в магазин.

– Как обычно? – спросила Арина скорее для проформы, потому что баба Глаша своим привычкам никогда не изменяла.

– Карамелек купи граммов двести-триста. Я смотрела, они у нее уже почти закончились.

Карамельки – любимое бабы-Глашино лакомство, они покупали по собственной инициативе за собственные деньги. От любых других гостинцев старушка отказывалась, потому как «пенсию получает и может себе позволить что хошь». Может, но не хочет.

В Верхний Лог из Нижнего можно было попасть двумя путями: прямым – коротким и окружным – длинным. По длинному пути, старой ухабистой дороге, обычно ездили машины. А короткий, узкую, круто взбирающуюся вверх тропинку, использовали пешеходы. Если Арина добиралась до работы на скутере, то пользовалась дорогой, а когда шла пешком, как сегодня с Ирккой, – выбирала тропинку, убегающую прямо в буйные заросли сирени, жасмина и еще какой-то неопознанной растительности. Здесь же, у самого основания холма, у истока тропинки, в зарослях вездесущей сирени едва различимым призраком стоял дом, который в Нижнем Логе знали все от мала до велика. О доме этом, как и о его хозяине, говорили всегда шепотом, а часть тропинки у покосившейся калитки пройти старались быстро, не оглядываясь.

В старом доме жил Сказочник. Говорили, что он даже старше бабы Глаши, что живет у подножия холма с незапамятных времен, что данных о нем нет ни в одной городской конторе, даже в собесе, что Сказочником никто не интересуется, потому что он не хочет, чтобы им интересовались.

– Отвел глаза, окаянный, – говорила баба Глаша со злостью и каким-то непонятным Арине чувством. – Он такой... как захочет, так и будет.

– Что захочет? – хором спрашивали Ирка с Ариной.

– А все! Хоть дурное, хоть доброе. Ему без разницы.

– От плохого до хорошего? – всякий раз уточняла Арина.

Баба Глаша глядела на нее долгим взглядом, подслеповато щурясь и раздумчиво качая головой, а потом отвечала:

– Ведьмак он. Ведьмин сын, по-нашему. Ясно тебе, девка?

Про ведьмаков Арина читала только в книжках, а в глаза ни одного не видела. Ей было любопытно, но совсем не ясно.

– А за домом его сразу старое кладбище, – вздыхала баба Глаша. – Сейчас там уже и не хоронят никого, а раньше – так, считай, каждый день. И он, ведьмин сын, там у самого клад-

бища и живет, потому что мертвые ему милее живых. Все, девки! – Она сердито замахивалась на них с Ирккой полотенцем, словно они были назойливыми мухами, и добавляла веско: – Сказочника обходите стороной. И дом его проклятуший тоже обходите. Целее будете.

Они и обходили. Мимо старого дома пробегали не оглядываясь и ни разу – вот совсем никогда! – не видели его хозяина, лишь слышали пару раз из-за забора грозное и неприветливое рычание. Сказочник жил не один, его покой охранял огромный черный пес. У пса была свалявшаяся шерсть, лобастая – ну точно волчья! – башка и тяжелый взгляд исподлобья, совсем не собачий, почти человеческий. Пса этого Ирка боялась едва ли не больше, чем его хозяина, ведьмино сына, говорила, что он «вот сто процентов бешеный!» и что если цапнет, то придется колоть уколы в живот. Ирка работала анестезиологом в городской больнице, подрабатывала на «Скорой» и в уколах разбиралась, поэтому у Арины не было оснований ей не верить.

Туман, казалось, сгущался. Или просто здесь, в низине, он был особенно концентрированным, только Арина вдруг пожалела, что они не пошли длинной дорогой. Ну и что, что дальше в два раза! Зато просторнее и не так жутко. Она уже было открыла рот, чтобы предложить подруге вернуться, как из тумана, откуда-то из кустов сирени, раздался не то вздох, не то всхлип.

– Ой! – сказала Ирка, застыв как вкопанная и схватив Арину за рукав кардигана. – Ой, кто там?

– Сейчас посмотрим. – Ей не хотелось смотреть, не хотелось продирааться сквозь туман и мокрые кусты, но вдруг там человек и ему нужна помощь!

– Я с тобой! – Ирка решительно, хоть и с явной неохотой, двинулась следом. В руке ее Арина успела разглядеть складной зонтик, который подруга сжимала как дубинку. – Не лезь без меня, Аринка! Да обожди ты!

Она не ошиблась в своих предположениях. Ну, почти не ошиблась. Тому, кто лежал в высокой, с самой весны не кошенной траве, на самом деле была нужна помощь. Вот только это был не человек...

Черный, с белыми подпалинами пес устало открыл один глаз, посмотрел на них равнодушно-отрешенным взглядом, тихо рыкнул и снова уронил лобастую волчью голову на лапы. Его тощие бока раздувались, как кузнечные мехи, а из-под брюха на примятую траву вытекала густая, почти черная кровь.

– Это же его псина. – Ирка замерла на почтительном расстоянии, опасаясь подойти ближе. – Аринка, не лезь к нему, еще цапнет.

Пес равнодушно дернул ухом и вздохнул совсем по-человечески. Арина присела перед ним на корточки.

– Что с тобой случилось? – спросила шепотом.

– Сбили его, – сообщила Ирка. – Мотоциклом, наверное. На машине тут не проедешь. Пойдем, мы ему все равно не поможем. Вон брюхо как разворочено. По-любому подохнет. Пойдем!

– Как это пойдем? – Арина снизу вверх посмотрела на подругу. – А вдруг он поможет? Это же его собака, и баба Глаша говорила, что он что хочешь может сделать.

– Вот именно – что хочешь! Превратит нас с тобой в жаб – вот будет веселье!

Арина вздохнула, осторожно погладила пса по свалявшейся, влажной от тумана шерсти, сказала:

– Мы отнесем тебя к хозяину. Хорошо?

Пес ничего не ответил, но и за руку не тяпнул, наблюдал за Ариной одновременно сторожко и обреченно. Наверное, готовился умирать...

– Эй, ты что удумала? – шепотом спросила Ирка. – Ты его к Сказочнику тащить хочешь, что ли? Я тебе в этом деле не помощник, так и знай! Я крещеная, православная и вообще... я ни ведьмаков, ни собак не люблю.

Тащить... Арина выпрямилась, сдернула с плеч кардиган, длинный, плотной вязки, еще совсем новый. Арине было его жалко, но пса ей было жалко еще больше, а на руках ей его долго не пронести.

– С ума сошла, – прокомментировала ее действия подруга. – Ненормальная!

Арина расстелила перед псом кардиган, сказала ласково:

– Давай ты сам, а я помогу.

Он ее понял – по глазам было видно. Понял, но сделать ничего не смог.

– Да погоди ты, – послышался за спиной сердитый голос Ирки. – Давай вдвоем, ты за перед, я за зад. Только если он меня укусит и я заражусь бешенством, я потом тебя специально покусая! Будем вместе уколы колоть.

Вдвоем они кое-как переложили пса на кардиган, который тут же пропитался кровью.

– Все, хрен отстираешь, – сказала Ирка и тут же добавила: – До Сказочникова дома донесем и возле калитки оставим. Ясно? Во двор к нему я не пойду ни за какие коврижки, даже если он мне жениха пообещает красивого и богатого.

Калитка оказалась не заперта, наоборот – гостеприимно распахнута.

– Оставляем тут и идем на работу! – Ирка смахнула выступившую на лбу испарину. – Тяжеленный, зараза! Даром что тощий.

– Давай постучим. – Не дожидаясь возражений, Арина несколько раз ляпнула калиткой.

– Сдурела! – зашипела на нее Ирка. – Совсем свихнулась?

Они подождали минуту, потом еще раз постучали и снова подождали. Ответом им была тишина.

– Может, его нет дома? – предположила Ирка не слишком уверенно. – Ушел по делам, в магазин там или за пенсией...

– Он дома. – Арина не знала, откуда взялось это свербящее чувство, что Сказочник никуда не ушел. И знать не хотела, если честно.

Пес больше не закрывал глаз, лежал на пропитанном кровью кардигане, смотрел внимательно.

– Арин, ну не могу я! – взмолилась Ирка. – Боюсь я его. Понимаешь?

– Я сама. Тут ведь близко совсем, только двор пройти. Я донесу, а ты меня здесь подожди. Только не уходи. Хорошо?

Она чувствовала страх – иррациональный, подкрепленный лишь глупыми рассказами, но от этого он не становился слабее.

– Я подожду. – Ирка порылась в сумке, едва не выронила зонт, достала мобильный. – Если что, я в полицию и в МЧС... и ребятам на «Скорую». Вот! – выдохнула она и замолчала, глядя на Арину так, словно виделись они в последний раз.

– Не надо никому звонить, – улыбнулась Арина и как могла бережно подняла пса.

Он застонал, снова почти как человек, прикрыл глаза. Длинные лапы его едва не волочили по земле, когда Арина, сгибаясь под немалым весом, решительно ступила на чужую, запретную территорию.

Двор был неухоженный, поросший высокой травой, сквозь которую к прогнившему крыльцу вела узкая тропинка. Арина покрепче прижала пса к себе. Он был тяжелый, едва ли не тяжелее ее самой, от него пахло мокрой шерстью и кровью. Теперь конец пришел не только кардигану, но, кажется, и блузке с брюками. Об этом Арина подумала отстраненно, как о чем-то малозначимом. Сейчас главным для нее было дотащить пса до дома, сдать с рук на руки хозяину. Если хоть десятая часть того, что о нем рассказывают, правда, то питомцу своему он как-нибудь поможет.

Доски крыльца громко скрипнули под ее удвоившимся весом. Стучать, слава богу, не пришлось: дверь была широко распахнута, словно их уже ждали.

– Эй... – сказала Арина севшим вдруг до хриплого шепота голосом. – Эй, есть тут кто?

В крошечных сенях было темно, хоть глаз выколи. Темнота эта нервировала еще сильнее, чем туман, поэтому, не дожидаясь ни ответа, ни приглашения, Арина бедром толкнула вторуую, прикрытую, дверь и шагнула в комнату.

Здесь тоже царила темнота, но не крошечная, а скупое разведенная просачивающимся в окно мутным светом. Арина вздохнула, бережно положила пса на самотканый коврик, огляделась.

Никого! Круглый стол посреди комнаты, на нем – какие-то книги, оплывшая свеча в железном подсвечнике, глиняный кувшин с надтреснутым горлышком. Справа у стены – книжный шкаф, на его полках за давным-давно не мытыми стеклами – аккуратными рядами склянки, пузырьки, банки с сухой травой и еще чем-то непонятным, похожим на лоскуты грязно-серой ткани, снова книги в потертых, явно очень старых переплетах, какие-то ящички, шкатулочки... У окна, спинкой к двери – большое кресло. Прямая, как у стула, спинка, разлапистые подлокотники. Неудобное.

– ...Пришла, значит. – От звука голоса – сильного, совсем не стариковского – Арина едва не вскрикнула.

Кресло, казавшееся монолитным и незыблемым, медленно повернулось вокруг своей оси. «Избушка-избушка, стань к лесу задом, ко мне передом...» – мелькнуло в голове. За спиной тихо рыкнул пес, Арине показалось – радостно.

– Ну-ка, подойди ближе!

В голосе не слышалось просьбы – был приказ, которому попробуй не подчинись. Арина сделала шаг, изо всех сил напрягая зрение, чтобы разглядеть того, кто сидел в кресле.

Он был похож на своего пса. Такой же древний, рослый, болезненно худой, с торчащими из-под манжет рубахи тонкими запястьями, с длинными, узловатыми пальцами, с кадыкастой шеей и совершенно лысой головой. На лице его так же, как и на голове, не было никакой растительности: ни бороды, ни усов, ни даже бровей и ресниц. Наверное, из-за этого Арине на мгновение почудилось, что перед ней не человек и даже не ведьмак, а инопланетянин с желтой, пергаментно-хрупкой кожей и внимательными черными глазами. Глаза смотрели на нее со смесью раздражения и интереса, а беззубый рот кривился в подобии улыбки.

– Здравствуйте, – сказала Арина, прислушиваясь к своему до неузнаваемости изменившемуся вдруг голосу.

– Да какое уж тут здравие! – Узкая кисть приподнялась над подлокотником кресла и тут же упала обратно, как полудохлая летучая мышь. – Ни у меня, ни у него, – старик скосил взгляд на лежащего у порога пса, – здоровья уже нет.

– Его ранили. Наверное, сбили мотоциклом. Я его на улице нашла...

– Нашла – и что? – Теперь черные глаза смотрели прямо на нее. – Зачем пришла?

– Он же ваш... – Арина не знала, что ответить этому странному, похожему на инопланетянина человеку. Там, на улице, все казалось понятным и правильным. Пса нужно вернуть хозяину, чтобы тот его спас, поставил на ноги каким-нибудь ведьмовским зельем. – Вы ведь можете ему помочь, – добавила она не слишком уверенно.

Арина не сразу поняла, что этот хриплый, каркающий звук – смех. Старик смеялся, и голова его болталась на тонкой шее из стороны в сторону.

– Девочка, я и себе-то не могу помочь, – сказал он, отсмеявшись, – не то что Блэку.

Услышав свое имя, пес приподнял голову. В его взгляде, устремленном на хозяина, читалось обожание.

– Тогда, может, я? – Ей бы извиниться и уйти из этого темного, пропахшего пылью, свечами и травами дома, оставить этих двоих, пса и человека, в покое, но она не могла. Это было бы неправильно, не по-людски.

– Что – ты? – спросил старик, подавшись вперед. Его узкие ноздри затрепетали, словно к чему-то принюхиваясь. – В тебе нет ничего, кроме глупой жалости. Что ты можешь?

Что она могла? Хороший, пусть и уничтожающе презрительный вопрос.

– Я отвезу Блэка к ветеринару.

– Зачем? Чтобы последние дни он доживал в клетке, среди чужих людей?

– Значит, я привезу ветеринара сюда, к вам.

– А ты упрямая, – сказал старик не то одобрительно, не то осуждающе. Пальцы на подлокотнике слабо шевельнулись, черные глаза скрылись за тяжелыми, лишенными ресниц веками. – Упрямая и смелая. Со мной давно уже никто так не разговаривал. Не надо врача, сама все сделаешь.

– Я?! – Она оглянулась на внимательно прислушивающегося к их разговору пса. – Я не умею.

– Научишься, – отрезал старик. – Раз такая жалостливая, – добавил все с той же усмешкой. – В шкафу, на верхней полке, пузырек, третий слева, с притертой пробкой. Достань!

Арина подошла к шкафу, отыскала пузырек, на две трети заполненный какой-то бурой мазью.

– В сенях – вода и ветошь. Сначала промой ему раны.

– Простой водой?

– Взялась помогать – слушайся!

По ногам вдруг потянуло холодом, хотя и окно, и дверь были закрыты. Старик снова скривил губы в усмешке. Доброты в ней не было ни капли.

В темных сенях Арина возилась долго, пока наконец не нашла наполовину наполненное водой ведро и ветхую, непонятного происхождения тряпицу. Подойдя к двери, она замерла, превратившись в слух. Старик с кем-то разговаривал: коротко, отрывисто, так же раздраженно, как до этого с ней.

– Она не годится. А я говорю – не осилит...

Эта странная фраза, казалось, все еще висела в пыльном воздухе, когда Арина с ведром воды переступила порог. В комнате, кроме старика и пса, никого не было. Значит, разговаривает сам с собой. Или со своим псом. Лучше бы уж с псом...

– Обмой рану. Да не бойся, Блэк терпеливый, не тронет.

Блэк и в самом деле был терпеливый, он позволил Арине промыть рану, лишь пару раз тихо рыкнув сквозь стиснутые зубы. Зубы у него были желтые, крупные, как у волка. Когда он скалился, обнажались черные десны. У злой собаки десны непременно черные, так говорила бабушка, выбирая щенка из помета: самого злого, самого смелого, самого сообразительного – охранника и защитника...

– Теперь смажь рану мазью. Перевязывать не надо.

Наверное, это была очень жгучая мазь, потому что, когда Арина коснулась раны, Блэк вскинулся, защелкнул на ее запястье мощные челюсти, не больно, но сильно – предупреждающе.

– Блэк, – шикнул старик, и челюсти тут же разжались.

Арина перевела дух, быстро смазала рану.

– Все? – спросила, выпрямляясь. – Теперь с ним все будет в порядке?

– Не знаю. – Старик пожал плечами. Было видно, что даже такое незначительное движение стоит ему немалых усилий. – Но ты сделала для него все, что могла. Он этого не забудет.

– А вы? – спросила она, наверное, слишком дерзко, потому что в черных глазах словно полыхнула молния, а по ногам снова потянуло несуществующим сквозняком.

– И я, – сказал он просто. – Все, что мог. Ты сказок наслушалась, девочка. Глупых людских сказок со счастливым концом.

– А в них все неправда? – Ну что ей было делать со своим любопытством! С этим свербящим, не поддающимся контролю чувством, из-за которого Арина однажды едва не поплатилась жизнью.

– Многое. Я же говорю – сказки. – Жилистые кисти соскользнули с подлокотника на укрытые ветхим пледом колени, погладили что-то длинное, деревянное, сужающееся на концах – какую-то скалку. – А хочешь, я скажу тебе, что правда?

Она хотела сказать «нет», но сказала «да». Старик понимающе улыбнулся, словно другого ответа и не ожидал.

– За тобой охотятся. Есть такая сказка про девочку и волка. Она шла к больной бабушке, несла в корзинке пирожки. Ты – эта девочка, маленькая и глупая. Только вот в корзинке у тебя не пирожки.

Арина чуть было не спросила, что же у нее в корзинке, но поперхнулась так и не произнесенными вслух словами. Он рассказывает про Красную Шапочку, этот странный старик. Про доверчивую девочку, за которой охотится Серый Волк...

Оскаленная пасть, карикатурно большие, но от этого особенно страшные клыки, взгляд с прищуром, чуть недоумевающий, раздосадованный. Она запомнила этот наполовину волчий, наполовину человеческий взгляд. Он преследовал ее едва ли не каждую ночь...

Неужели?!

Больше года прошло. Она сделала все, чтобы ее не нашли. Всей своей прежней жизнью пожертвовала...

– Волк уже взял след. – Старик сидел, полуприкрыв глаза, и было непонятно, куда он смотрит и смотрит ли вообще куда-нибудь. – Матерый волк, молодой, опасный. Щелк зубами – и нет глупой девочки...

– Это неправда! – Язык вдруг перестал слушаться, и слова получались тяжелыми, неуклюжими.

– Я всего лишь рассказываю сказку, начало которой ты и сама прекрасно знаешь. Осталось лишь выяснить, каким будет финал. – Он замолчал веско и многозначительно, давая понять, что разговор окончен. Пора уходить. Ирка, наверное, вся извелась...

Арина повернулась спиной к старику, погладила на прощание дремлющего Блэка, взялась за дверную ручку, но, прежде чем покинуть этот негостеприимный дом, обернулась. Кресло уже стояло спинкой к двери, так, что она могла видеть лишь острые локти на потертых подлокотниках.

– Та сказка все равно хорошо закончилась, – сказала Арина зло и упрямо. – Красную Шапочку спасли!

– Добрые охотники. Я знаю, – послышалось из недр кресла. – Только вот никто не задавался вопросом, чем ей пришлось пожертвовать, чтобы вернуть себе жизнь.

– Ничем!

– Так не бывает. Всегда приходится чем-то жертвовать. Чем больше одолжение, тем серьезнее жертва. Ты пока этого не понимаешь, но скоро поймешь, Красная Шапочка.

– Меня зовут Арина!

– ...И когда ты будешь готова принести жертву, ты придешь ко мне. Если успеешь... если я тебя дождусь...

– Прощайте! – Она не хотела слушать весь этот бред. Возможно, из-за того, что часть бреда была очень похожа на правду, на неприглядную и пугающую правду, избавиться от

которой Арина так до сих пор и не смогла. Не смогла забыть, как забывают страшный сон или злую, неправильную сказку.

– Она ушла без мук и сожалений, – слышалось ей вслед.

– Кто?.. – Сердце перестало биться в ожидании ответа.

– Ты знаешь кто.

Порыв ветра или сквозняк, которому просто неоткуда было взяться, с силой захлопнул за Ариной дверь, выставляя за порог, выгоняя.

Оказавшись снаружи, она не сразу смогла двигаться, постояла немного, прижавшись затылком к шершавой стене, переводя дух, как после многокилометровой пробежки.

Сказочник... Вот почему он сказочник. А она Красная Шапочка, и Серый Волк уже взял ее след.

На стекла очков мелким бисером оседал туман, Арина сдернула их, сунула в карман брюк. Кардиган так и остался в доме. Да и зачем он ей теперь?!

– Аринка?! – Калитка чуть слышно скрипнула. – Эй, Аринка, это ты там? – слышался громкий шепот Ирки.

Арина сделала глубокий вдох и побрела по тропинке, ничего не видя перед собой в тумане.

– Ну слава богу! – бросилась к ней Ирка, стоило лишь выйти за калитку. – Что так долго? Я чуть с ума не сошла, пока тебя ждала! Ты чего на звонки не отвечала? – Подруга говорила, а сама тем временем ощупывала ее плечи, руки, бока, словно она только что выбралась из-под ковровой бомбардировки и лишь чудом осталась жива. Впрочем, перепачканная кровью Блэка с ног до головы девушка и выглядела как выжившая после бомбардировки.

– Так чего на звонки не отвечала? – Ирка потрясла ее за плечи.

– Не слышала. – Арина достала мобильный. Никаких входящих звонков на нем не было.

Ирка заглянула ей через плечо, сказала шепотом:

– Чертовщина какая-то, я тебе пять раз звонила.

– Может, сеть не ловит?

– Это все он.

– Кто?

– Сказочник. Ты его видела?

– Видела.

– Ну, и какой он?

– Старый. – Арина осмотрела свою одежду. – Ир, мне нужно вернуться, переодеться.

А ты иди, еще опоздаешь.

– Уже опоздала. – Та махнула рукой. – Лидии Степановне позвонила, попросила подстраховать. Слышь, подруга, – она внимательно всмотрелась в Арино лицо, – с тобой точно все в порядке?

– В полном! Мне нужно спешить, я ведь тоже опаздываю. Ты иди, дальше я сама.

– Что там было-то? – Ирка мялась в нерешительности, в синих глазах ее горело жгучее любопытство.

– Завтра, Ир. Все завтра. Опаздываю я уже.

– Смотри, завтра я у тебя как штык. Только отосплюсь с дежурства – и к тебе. А ты про карамельки бабе Глаше не забудь. – Голос подруги вслед за ее крупной, статной фигурой медленно растворялся в тумане.

Обратно к своему дому Арина бежала бегом. Всю дорогу ей казалось, что за ней кто-то наблюдает из тумана.

Сказочник?

Серый Волк?

Она не знала и не хотела знать!

Когда Арина переступила порог, часы с кукушкой пробили без пятнадцати восемь. Утро в «Салоне» впервые за целый год началось без нее. Нужно звонить Милочке, официантке из кафе, пусть прикроет еще на полчаса.

На ходу сбрасывая окровавленную одежду и набирая номер Милочки, Арина открыла кран с горячей водой. Вода не спешила нагреваться, пришлось становиться под еще прохладные струи. Через десять минут она была полностью готова. Дело оставалось за малым.

Этот нож Арина купила год назад. Компактный, складной, с выстреливающим острым, как жало, лезвием. И тогда, и сейчас ей очень не хотелось пускать его в ход, но Серый Волк взял след, и выбора у нее не осталось...

Серый Волк

Домик был ветхий. Не домик, а так... избушка на курьих ножках. Дунь – она и рассыплется. Он не стал дуть, решил по старинке – отмычкой. Хозяйка ушла на работу, он знал это наверняка: сидя в кустах сирени, видел, как за ней зашла крупная, пышногрудая девица. Они о чем-то пошушукались, стоя на крыльце, а потом скрылись в тумане.

Пришло время действовать. Пришло его время. Берясь за дело, он никогда не полагался на слова заказчика, даже когда заказчик платил такой аванс. Он привык доверять лишь собственному опыту и собственному чутью. Волчьему чутью.

Заказ был серьезный, а работать нужно чисто и быстро. Впрочем, по-другому он не умел. За то его и ценили, за то и платили немалые деньги. Но прежде, чем выполнить свою часть сделки, требовалось убедиться, что игра идет честно, без подвоха. Именно поэтому он забрался в этот старый дом. Чтобы проверить.

Жилье было съемным, это чувствовалось во всем, для этого не нужно было обладать ни особой наблюдательностью, ни особым чутьем. Девчонка жила на осадном положении, готовая в любой момент броситься в бега. На полках в шкафу лишь необходимый минимум одежды, остальное – в дорожной сумке, сложено аккуратно и продуманно. Сумку он обыскал в первую очередь, но, как и ожидал, ничего интересного не нашел. Разве что кроме складного швейцарского ножа – дорогой и совершенно бесполезной игрушки.

Если девчонка не дура – а она точно не дура, коль на ее поиски ушло так много времени, – то в доме ничего ценного хранить точно не станет. Наверняка то, что нужно заказчику, она где-то спрятала. Может, даже не в этом размякшем от туманов и дождей городишке. Но проверить все равно нужно.

Там же, в дорожной сумке, нашлась пачка сто долларовых купюр. Он насчитал две с половиной тысячи. Негусто, поиздержалась деточка за месяцы мытарств и гонений. Или просто все остальное очень хорошо припрятала.

Вслед за сумкой он быстро, но методично обыскал весь дом, оставив на десерт старенький пошарпанный ноутбук. В ноутбуке могла быть информация, а информация по нынешним временам – это самое ценное.

Он уже взялся было за ноутбук, когда в затылке засвербело. Сигнал тревоги, тот самый хваленый инстинкт, позволявший ему годами оставаться лучшим в своем деле. За считанные секунды он успел многое: сунуть обратно в шкаф сумку, поставить на прежнее место ноутбук и спрятаться за тяжелую габардиновую штору. Безопаснее было бы под кровать, но под кроватью плохой обзор и мало пространства для маневров. Пистолет лег в ладонь привычной тяжестью. Неискоренимая привычка – быть готовым к любому повороту событий.

Громко хлопнула входная дверь. Вошедший вел себя не таясь, по-хозяйски. Послышались быстрые шаги, стукнули об пол сброшенные туфли. Он выглянул в щель между шторами. Девчонка вернулась! Всклоченная, в окровавленной одежде. Он отчетливо видел красные пятна на белой блузе. Пистолет в руке стал чуть тяжелее. События развивались не по плану, и это заставляло напрячься и призадуматься. Если судить по кровопотере, рана должна быть приличной. Где у нее рана? Насколько глубокая? И главное – кто нашел ее раньше, чем он?

Однако от потери крови и болевого шока девчонка ни падать в обморок, ни уж тем более умирать не спешила, вела себя на удивление бодро для тяжело раненной, разговаривала по телефону с какой-то Милочкой, на ходу избавляясь от одежды: от брюк, блузки, перепачканного белья.

Он смотрел внимательно, не упуская ни одной детали, ни одной интонации, ни одного жеста, ощупывая взглядом встревоженное скуластое лицо, шею с нервно бьющейся жилкой,